

Алекс Стар

КУК ЛКА
ДЛЯ МУЖА:

ДВОЙНАЯ ИЗМЕНА

Алекс Стар

Куколка для мужа: двойная измена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427603

SelfPub; 2023

Аннотация

"Сегодня один из самых счастливых дней моей жизни: свадьба нашего единственного сына! Я захожу "попудрить носик" в вип-комнату, как вдруг до меня доносятся из-за двери странные звуки... Кому-то стало плохо? Предложить помощь? Или наоборот, это просто решившая уединиться парочка, и им лучше не мешать? Пока я решаю эту дилемму, я вдруг слышу до боли знакомый голос:— Да, так, моя девочка... — и я останавливаюсь, как вкопанная, словно меня только что превратили в соляной столп... "Теперь-то мы с вами знаем точно, что жизнь есть и после тридцати, и после сорока, и даже после сорока пяти! Ловите новую свежеиспечённую булочку с корицей к утреннему кофе! Иногда надо просто всех послать и начать жить заново! Как это и собирается сделать моя героиня Лада. И я вместе с ней! **ОСТОРОЖНО!** Можно обжечься, местами очень горячо!

Содержание

1	4
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алекс Стар

Куколка для мужа: двойная измена

1

Стою и прихорашиваюсь перед зеркалом в вип-комнате роскошного ресторана, который наша семья сняла целиком для свадьбы нашего сына, Фёдора. А что, можем себе позволить: мой муж, Иван Викторович Орлов – известный в городе скульптор. У него множество заказов по всей стране, куча премий, а памятники и статуи, выполненные им, установлены повсюду, и только слепой не натыкался на них!

А я, Влада Орлова, или ласково *Ладочка*, как он шепчет мне наедине в порыве страсти – его единственная муза и любовь. Даже до сих пор, несмотря на все прожитые вместе годы, – с довольной улыбкой окидываю я в зеркале свою ладную фигурку в стильном пудровом платье чуть ниже колен с вырезом-лодочкой: строго и по-праздничному. Не я же невеста сегодня, в конце концов! Сегодня день моего Феди и его Ирочки – ещё молоденькой юной девушки, которую он привёл в нашу семью совсем недавно, но мы уже все её успели полюбить, и сегодня она станет и моей дочерью тоже! Доч-

кой, о которой я всегда мечтала! Но оказалась мамой мальчишки, который вырос во взрослого прекрасного молодого мужчину.

Я чувствую, как у меня снова наворачиваются на глаза слёзы: ну что же я сегодня совсем расквасилась! Рыдаю и рыдаю от переизбытка чувств! Пойду в уборную здесь же, в вип-комнате, пока никто не видит, и умоюсь, подправлю макияж. В конце концов, сегодня радостный день, и никто не должен видеть мои красные зарёванные глаза!

Прохожу в шикарную отделанную мрамором комнату с зеркалами в позолоченных рамах и мягкими диванами. Не туалет, а будуар какой-то! Везде стоят в вазах роскошные живые цветы, и играет классическая музыка. Наверное, чтобы процесс приятнее и легче шёл, – усмехаюсь я про себя. Подхожу к столику, достаю карандаш и тушь из сумочки и рассматриваю придирчиво своё лицо: а что, вполне даже ещё ничего! Чтобы быть музой и любовью великого творца и художника! Усмехаюсь сама своему отражению, и уже собираюсь уходить, как вдруг слышу неразборчивый шум за дверью уборной. Такое ощущение, что кому-то стало плохо! Наверное, надо спросить, нужна ли ему или ей помощь... Или, наоборот это не совсем будет прилично? Кто его знает, кто там за дверью: сегодня на нашей свадьбе собрались все сливки общества... Не очень-то хочется опростоволоситься перед каким-нибудь помощником мэра... Или, не дай Бог, самим мэром!

На цыпочках, чтобы не оконфузиться, я подхожу поближе к двери, прислушиваясь, пытаюсь разобрать, действительно ли кого-то тошнит, или это просто мне померещились. И различаю полушёпот-полусмех, два голоса: мужской и женский. Выдыхаю. Смеюсь про себя. Кто-то, видимо, не смог дождаться окончания праздника! Ну что же, вполне нормальное дело: раньше только на свадьбах все и знакомились! Мы и сами с моим Ваней первый раз поцеловались на свадьбе его старшей сестры Валерии...

На меня накатывают воспоминания о том далёком дне, и я с удивлением отмечаю, что даже сейчас, спустя почти тридцать лет, я всё ещё чувствую то волнение и жар, когда думаю о своём самом лучшем и любимом муже. Ведь так не бывает! Все мне твердили об этом вокруг. Страсть, любовь – максимум три года, даже книжка, кажется, есть такая, французского писателя. Так и называется «Любовь живёт три года». Но мы пережили и три года, и семь лет, и вот уже и нашему ребёнку уже двадцать семь, и он сегодня женится. И хотя я считаю, что он ещё слишком молодой, сама-то я вышла замуж в девятнадцать, когда носила его уже под сердцем! Так что я не верю во все эти современные шуточки про то, что надо выходить замуж попозже, когда нагуляешься и перебешишься. Посмотрите на меня и на мой более чем счастливый брак!

Я уже собираюсь так же аккуратно на цыпочках прокрасться обратно к двери, чтобы не спугнуть парочку гостей,

решившихся уединиться на празднике любви, как тут в мужском голосе я замечаю смутные знакомые нотки... У меня ведь всегда был идеальный слух. Хм, интересно, кто это может быть... Вадик? Наш друг семьи. Он как раз пришёл сегодня со своей новой девушкой, моложе его на двадцать лет, и мы ещё с Ваней посмеялись между собой по этому поводу. Да нет, не Вадим, я ведь только что как раз чокалась с ним шампанским прямо перед тем, как пойти сюда попудрить носик. А, точно, это же Антон! Свидетель моего Федыньки. Интересно, кого это он успел наклеить уже сегодня? Он же пришёл один, без девушки, я как раз ещё думала, что самое время ему сегодня с кем-то как раз и познакомиться... Молодец, познакомился!

И вот уже моё сердце «старой сводни» радостно теплеет от одной только мысли, что вокруг меня, возможно, станет ещё на одну счастливую пару больше, как тут я слышу женский голос за дверью, отчётлив произносящий:

– Да, так Ваня, сильнее, как я тебя хочу!

Стоп! Насколько я знаю, точнее, я точно не знаю ни одного Ивана из приглашённых сегодня гостей. А ведь это я помогала составлять списки и заказывала красивые приглашения с авторским дизайном в типографии! Персонал ресторана? Совсем распоясались! Они же на работе, в конце концов! Надо пойти поговорить с нашим менеджером, чтобы он сделал серьёзный выговор своим сотрудникам! И тут мужской голос, очень знакомый голос, точнее голос, который

я точно узнаю из миллиона, отвечает:

– Да, так, моя девочка, Ирочка, скорее! Я сейчас кончу! – и я останавливаюсь, как вкопанная, словно меня только что превратили в соляной столп.

Я чувствую, как кровь отхлынула у меня от лица, потому что эту интонацию, этот тембр и эти слова мне невозможно спутать ни с чьими другими! Мне кажется, я сейчас рассыплюсь на куски прямо здесь, в этой роскошной, увитой живыми цветами уборной. Стоп, но кто же эта Ирочка?! И пока я перебираю в уме всех возможных сегодня Ирочек, которых я знаю и не знаю, второй женский голос, с придыханием и стонами шепчет в ответ:

– Да, Ваня, Ванечка, так... – и оба голоса сливаются в одни глухой стон наслаждения, и я понимаю, бесповоротно, что эта за Ирочка. Её голос я тоже слишком хорошо успела запомнить...

И вот теперь я стою, словно облитая помоями страшной правды, которой лучше бы я не знала, и теперь не представляю, как мне жить дальше с этим знанием. Как?? Если бы было можно, я бы вышла из этой комнаты и притворилась, что никогда этого не слышала. И не видела! Стоп. Но ведь я пока ничего и не видела! Как можно вообще верить только ушам! Вот я дура!

Идеальный слух, мать его! Мой внутренний голос уговаривает и смеётся надо мной, – стены искажают звуки, и я

даже уже сама начинаю верить в эту сладкую самоуспокоительную ложь... Не видел, значит не было! Сейчас я выйду в общий зал, и увижу там своего красивого роскошного представительного Ванечку, беседующего с каким-нибудь меценатом. Обалденного и эпатажного. Как всегда. Настоящего художника. С гривой чуть тронутых сединой длинный кудрявых волос. Кофе с молоком. Как у льва. И увижу своего счастливого мальчика Федю, целующего и обнимающего свою юную прекрасную невесту! Которой я помогала выбирать и покупать её самое главное платье в её жизни...

Я уже окончательно верю в эту спасительную мысль, единственную, которая не даёт мне умереть прямо здесь на месте. Как вдруг слышу возню и голоса за дверью:

– Пойдём скорее, пока не заметили наше отсутствие! Ты иди первым, а я выйду чуть попозже, – даёт инструкцию женский голос. – Посмотри, у меня всё на месте? – спрашивает она приглушённым голосом мужчину, и он отвечает:

– Да, у тебя всё просто прекрасно. Ты такая красивая сегодня. Как жаль, что я не смогу сегодня ночью быть с тобой, – с грустью добавляет он, и до меня снова доносятся приглушённые звуки поцелуев. – Мне кажется, я сойду с ума, не смогу дожить до утра, прежде чем снова увижу тебя...

Да что это такое вообще?! Эти двое никак не могут оторваться друг от друга? Им что, по шестнадцать лет?! И словно прочитав мои мысли, мужской голос бормочет:

– О Боже, с тобой мне снова шестнадцать, я всё время те-

бя хочу, не могу остановиться! Ты только посмотри, он снова встал! Я даже не представляю, как сегодня буду весь вечер смотреть на тебя издалека, любоваться тобой, не имея ни малейшей возможности подойти, прикоснуться к тебе... Моя маленькая девочка, ты снова пробудила во мне желание к жизни...

– Не грусти, любимый Ванечка! Ты только подумай, теперь мы будем всё время с тобой вместе, – успокаивает его женский голос, и у меня уже нет ни малейшего сомнения, что мой идеальный слух обманывает меня... Как никогда не обманывал и до этого... И Моцарт – это Моцарт, а не Бах...

– Давай ещё раз, – умоляет мужчина, и женский голос с кокетливым хихиканьем отвечает:

– Да ты настоящий сумасшедший! Мой сумасшедший! Ты представляешь, как это будет выглядеть? Нас уже нет, наверное, минут десять, скоро смогу заметить наше отсутствие!

– Но это не я виноват, что всё время хочу тебя, – стонет в ответ мужчина, и я снова слышу шорох платья и стук тел о дверь. – Это ты виновата, – уже со стоном бормочет он, видимо, насаживая свою невидимую партнёршу снова на свой изнывающий перчик. – Это ты виновата, что такая юная... Такая красивая... Такая желанная...

И пока я стою, скрестив руки на груди, хмурясь и ожидая, когда же эти двое наконец-то насытятся друг другом, женский голос отвечает с придыханием:

– Только с тобой я могу испытать такое. Любимый...

Что?! Это точно они?! Надеюсь, что нет. Я думала, что речь идёт о перепихоне на пару раз, а тут уже ведут речи о любви?! Всё-таки я очень, очень надеюсь, что в этот раз мой слух обманул меня. Я буквально умоляю небеса об этом! Пусть будет хотя бы раз в жизни! И сейчас дверь откроется, оттуда появятся смущённые раскрасневшиеся гости, или нерадивый персонал, я со скромной улыбкой извинюсь перед ними, сделав вид, что только что случайно зашла и ничего не слышала. И всё. Инцидент будет исчерпан. И я счастливая и довольная вернусь в зал к гостям. К своему Ванечке. Феде и его Ире. В конце концов, такие обычные имена: на каждом углу встречаются! Это может быть, кто угодно!

– Не плачь, моя девочка, мы найдём способ видеться. Я найду, – успокаивает через дверь всхлипывающую девушку мужчина, пока она стонет и стонет, то ли от горя, то ли от наслаждения, которое испытывает только с ним. Тяжёлый случай, один словом!

– Подожди, я должна поцеловать его на прощание, не знаю, когда увижу его в следующий раз, – страстно бормочет женский голос. – Он такой красивый. Такой большой. Самый лучший, – причмокивает она губами, и я надеюсь, что он снова не захочет её после того, как ему спели такие дифирамбы. По крайней мере, мне тоже уже давно хочется выяснить кто это, раз и навсегда и выйти из этой душной пропахшей лилиями душевной комнаты.

– Он уже скучает по тебе, малышка, – со смехом отвеча-

ет баритон, – видишь! – И мне уже самой хочется крикнуть через дверь:

– Заканчивайте уже, даже я это, наверное, чувствую! – но природный такт и сдержанность не позволяют мне сделать это.

И тут дверь распахивается и в комнату входит мой сын, Федя. У него такое счастливое взволнованное лицо, что моё сердце сжимается от боли. От боли, которую он может испытать. И которую я боюсь почувствовать.

– А, мама, ты здесь? – кричит он на всю комнату. – Ты не видела, случайно, Ирочку? – ведущий уже ждёт нас! Чтобы начать церемонию! Осталось всего десять минут! – и тут я понимаю, что голоса за дверью стихли, словно кто-то резко поставил звук на беззвучный режим на пульте.

Я всё ещё стою, размышляя, что же мне делать: раскрыться им, крикнуть, что я давно уже здесь и всё отлично слышу, или сделать вид, что я только что вошла, и ничего не знаю. И тогда, возможно, сберечь сердце своего сына. Но тогда он пойдёт под венец со своей Ирочкой? И только я буду знать, что каждую секунду, каждую свободную минуту она будет бежать к моему мужу, своему свёкру, чтобы уединиться с ним в отеле, в машине, в его мастерской скульптора – не важно где, где они, скорее всего, уже делали это десятки, если не сотни раз?! И хотя мне кажется, что прошла вечность, я принимаю единственное верное, как мне кажется, на тот

момент, решение, и я поворачиваюсь к своему дорогому любимому сыну и говорю:

– Нет, Федя, я не видела Иру, но я её обязательно поищу! Иди к гостям, а мне надо привести себя в порядок! – и закрываю за ним дверь. На замок.

А потом, убедившись, что он отошёл и не слышит меня, громко объявляю на всю эту роскошную уборную:

– Кто бы вы ни были, выходите! Я здесь уже давно и всё отлично слышала. Вы, Ира и Ваня. Я здесь одна. И мне не нужен безобразный отвратительный скандал на свадьбе моего единственного сына!

Дверь тихонько открывается, и я вижу, как из неё выходит мой Ваня в роскошном чёрном смокинге и Ира, в своём модном дизайнерском платье до колен, которое я помогала ей выбирать. Я! И теперь, видимо, так удобно задрал это платье до трусиков, она сношалась с моим же собственным мужем, своим будущим свёкром, на своей же собственной свадьбе! Да какой же дрянью надо быть?! – все эти мысли диким галопом проносятся у меня в голове буквально за доли секунды, и я чувствую, как моя голова сейчас просто треснет! Взорвётся, как перезрелый арбуз! И тут этот безумный поток мыслей прерывает спокойный низкий сексуальный голос моего эпатажного красавца-мужа. Всё ещё красавца.

– Влада, – как официально! А где же его нежное «Ладочка»? – Влада, это совсем не то, что ты подумала! – ну вот она, классика жанра, ну наконец-то! Дождалась!

– Интересно, а что я должна была подумать?! – прищурив глаза, и скрестив руки на груди, спокойно начинаю я: спокойствие, Лада, только спокойствие.

Никаких диких криков и безобразных скандалов. Ничего такого, что так обожают эти дешёвые журналисты и папарацци. Ничего такого, что сможет навредить моей семье. А прежде всего – моему сыну, который не должен пострадать! Лишнее слово, движение, и я уже вижу эти дешёвые крикливые вульгарные заголовки: *«Знаменитый скульптор Орлов был застукан на свадьбе собственного же сына с невесткой! В одних трусиках!»*, *«Старый конь борозды не испортит: скандал на свадьбе сына известного скульптора!»* и так до бесконечности. Поэтому я собираю всю свою волю в кулак, и продолжаю, сама поражаясь своей же собственной выдержке:

– Так что я должна была подумать, скажи мне, Ванечка! – и мой муж, глядя мне в глаза, продолжает:

– А ты, наверное, подумала, что это дешёвая интрижка, так? Старый фавн и молодая нимфа? – вставляет он свои любимые литературные словечки художника. Пока эта самая молодая козочка прячется за его спиной, оправляя на себе изысканное платье, которое только что задирала перед этим старым фавном. А по-русски – обычным вонючим козлом!

– В общем и целом ты прав, именно так я и подумала, – утвердительно киваю я, ожидая дальнейших оправданий и разъяснений от моего благоверного. Уже, правда, совсем не

благоверного. Больше у меня не осталось в этом сомнений.

Хотя, если честно, я вообще-то ожидаю сейчас от него оправданий в духе: «*Ой, тебе это показалось*», «*Да я просто помогал Ирочке платьишко завязать, ей самой сложно*», ну или прочая чушь в этом роде, тупая, но спасительная. Которая хоть немного и хоть на какое-то время способна смягчить острые колющие углы правды. Которая режет не то что глаза, а уже перерезает мне горло, и я задыхаюсь от неё! А вот совсем не вот это всё, что сейчас вываливается изо рта моего мужа:

– Влада, я просто понял, что я не могу жить без Ирочки, – и он ласково оборачивается на эту мелкую стерву, которую я называла чуть ли не дочкой! И она ободряюще улыбается ему в ответ. – Жизнь сложнее и многограннее, чем ты думаешь...

Я думаю?? Да что он такое мелет вообще??

– Я смог разглядеть в Ире родственную, близкую, тонко чувствующую душу... Способную полюбить и понять меня таким, какой я есть...

Что?? Тонкую чувствующую душу?! А не мокрую похотливую дырку?! Может быть, он это имеет в виду?! Я стою, задыхаясь, как рыба, выкинутая на берег, и только невозможность публичного скандала на весь город, на всю страну, даёт мне силу выслушивать весь этот бред старого сивого мерина, который он мне заливает в уши!

Моя жизнь словно разделилась на «до» и «после». И те-

перь наступило это пресловутое «после». После «они жили долго и счастливо». И мне надо срочно что-то решать, прямо сейчас. Через десять минут должна начаться торжественная церемония. Которой не будет. Теперь я это знаю совершенно наверняка.

2

– А теперь вы, двое, – я даже не хочу называть их по именам, словно это мерзкие склизкие гадины, а не просто два слова, два имени: Ваня и Ира. Мне кажется, я теперь буду ненавидеть всех Ир и всех Иванов до конца своих дней! – Вы, двое, – продолжаю я, на ходу придумывая свой план, способный помочь всем нам достойно выйти из этой невыносимой скандальной ситуации. – Ты, – бросаю я Ирке, – делай, что хочешь, но притворись, что тебе плохо, что ты сейчас умрёшь: всё, что угодно, лишь бы окружающие тебе поверили. Думаю, тебе это не составит особого труда, – добавляю я.

Ведь мой стареющий павиан поверил в её страстные вздохи. Одно из двух: либо она действительно шикарная актриса, заставившая этого придурка поверить в его превосходные сексуальные способности, либо она действительно любит этого «великого» скульптора. А он – её, и от одной этой мысли мне становится невыносимо больно, но я не даю боли захватить себя. У меня будет на это время. Но потом. А сейчас я спасаю свою репутацию и своего сына. На всё остальное мне плевать. Даже на свои страдания.

– А ты, – обращаюсь я к своему мужу, и мне даже противно смотреть на него, – делай вид, что звонишь в больницу. И после этого мы отведём... эту, – снова я не называю её имени, – в автомобиль, и увезём отсюда. И я объявлю

гостям, что свадьбы не будет, всё поняли? Никаких скандалов: сплошное сочувствие со стороны взволнованных гостей и небольшие заметки в жёлтых газетёнках о слабом здоровье невесты. А потом, когда пройдёт время, об этом все уже и думать забудут, о том, что когда вообще должна была состояться свадьба, – дорассказываю я им свой гениальный план и чувствую, как у меня безумно болит голова. Раскалывается пополам, на две половинки. Как только что раскололась навсегда моё сердце.

– Вам всё ясно? – с тихой, но явной угрозой в голосе произношу я, и эти двое лишь молча кивают в ответ. – А ты... – и я сдерживаю себя изо всех сил, чтобы не выругаться матом, обращаюсь к Ирке, – ты сама расскажешь моему сыну, и своему уже бывшему жениху, почему ты не можешь выйти за него замуж. Всё поняла? – сморю я прямо в глаза этой гниде, и она лишь передёргивает своим острым плечиком. За которое мне сейчас хочется ухватиться обеими руками и шандарахнуть её изо всех сил об стену головой. С её идеальной модной причёской, которую я помогала ей придумать и объяснить стилисту! Но я сдерживаю себя изо всех сил. В конце концов, мне не нужны грязные разборки и скандалы, чтобы потом наши имена полоскали в помойном ведре. Моё имя и моего сына.

– Но послу... – только открывает свой поганый рот мой муженёк, мой будущий бывший муж, как я твёрдо уже решила про себя, как я, не выдержав, подбегаю к нему, и шиплю,

как разъярённая фурия в его поганую пафосную рожу. В которую мне так хочется плюнуть. А кстати, почему бы и нет? – проносится у меня в голове, и я просто смачно харкаю ему в лицо. Уфф, и мне даже на пару секунд становится легче.

– Заткнись, – грозно шиплю я на него. – Или ты хочешь, чтобы я устроила вам здесь прилюдный скандал? Чтобы ты больше не получил ни одной премии и ни одного сраного заказа? По крайней мере, в ближайшее время? Чтобы все тыкали в тебя пальцем и издевались за твоей спиной? Ты этого хочешь?! Говори! – нависаю я над ним всем своим невысоким ростом. – Ты не имеешь права голоса!

– Хорошо, хорошо, успокойся, – нервно бормочет он, отступая на шаг назад вместе со своей шалавой, которая всё ещё прячется за его представительной спиной. – Мы сделаем всё как ты скажешь, только не надо так орать, – мямлит он, вытирая мой плевок со своей напыщенной рожи белоснежным платочком, который у него так красиво торчал уголочком из нагрудного кармашка. Только теперь на фиг никому не нужны эти нагрудные платочки, – проносится у меня в голове, как в дверь снова раздаётся стук:

– Мама, ты всё ещё здесь? Ирочки нигде нет, – и я, грозно посмотрев на этих двоих, шепчу им одними губами:

– Готовы? – и они послушно кивают своими головами, как два деревянных болванчика...

– Федя, мой мальчик, только не беспокойся, – открываю я

ему дверь и запуская внутрь. Мы с папой сейчас всё устроим, – я смотрю на этих двоих.

Ира театрально заломив руки за голову, повисает на руках своего страстного любовника, пока он не менее театрально восклицает:

– Ира! Ирочка! Очнись, – и встревоженно говорит моему мальчику, своему сыну: – Федя, скорее иди скажи водителю, чтобы подогнал машину ко входу, мы едем в больницу! Ире стало плохо!

А я со своей стороны продолжаю этот дешёвый, но зато гениально продуманный спектакль:

– Скорее несите Ирочку в машину, – и чувствую, как мой язык спотыкается об её имя. – Я пойду успокою гостей! Всё будет хорошо, мой мальчик, – смотрю я в глаза своему сыну. Всё будет хорошо...

Мой муж выносит «бездыханное» тело своей невестки и любовницы по совместительству через чёрный ход на улицу, пока Фёдор бежит за ними, вызывая по дороге водителя, а я подхожу к зеркалу и внимательно рассматриваю своё отражение. Бледное бескровное лицо: а что, я ведь так переволновалась за свою будущую невестку. Алые кровавые губы, чёрные густые брови. Муза. Настоящая муза. Но только уже бывшая. И я повторяю сама себе:

– Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, Лада.

Я выхожу к гостям, подхожу к нашему ведущему, одному из лучших в городе, и тихо прошу его сделать объявление. Он надевает на лицо печальную мину, хотя я уверена на все двести процентов, что ему совершенно плевать на здоровье новобрачной, хоть она вообще бы умерла. Да уж, лучше бы она умерла, прямо там, в этом утыканном цветами сортире, – зло думаю я про себя, но вовремя останавливаюсь. Никогда никому нельзя желать зла и смерти. Даже врагам. Жизнь всё равно вернётся к ним и ударит бумерангом по лбу. Но лучше без моего участия.

– Дамы и господа, дорогие гости, – замогильным голосом начинает ведущий, и гул голосов смолкает. – С огромным сожалением должен вам сообщить, что нашей дорогой невесте стало плохо, и её госпитализировали, – и сразу же всех успокаивает, когда над толпой проносится облако ахов и охов. – Но врачи нам только что сообщили, что её здоровью ничто не угрожает, но она должна пока временно остаться под медицинским присмотром. Слово Владе Орловой, – передаёт он мне микрофон, и я, с не менее могильным лицом продолжаю:

– Дорогие друзья, от всего сердца благодарю вас за то, что вы пришли на наш праздник сегодня. И я уверена, что мы все с вами ещё встретимся и не раз при более радостных обстоятельствах. А теперь прошу меня простить: мне нужно ехать к моей семье. Я нужна им, – и под грустными взглядами спускаюсь со сцены и гордо удаляюсь по коридору к выходу.

Ну что же. Я смогла сохранить хорошую мину при плохой игре. При очень отвратительной гнусной игре!

Я еду в авто, даже не представляя, что меня сейчас ждёт дома, но деваться некуда: надо довести всё до конца. На улице моросит мелкий поганый дождик, словно сама природа рыдает по всей моей прожитой с этим мудаком жизни. И оплакивает будущее моего бедного сына. Хотя стоп. О чём это я? Ведь это просто замечательно, что всё это случилось именно сейчас! *До того*, как мой Федя успел жениться на этой дряни! У него не испорчено будущее, а наоборот, он ещё совсем молодой, и у него всё только впереди! Он сумеет оправиться и найти своё счастье!

А вот у меня... Сложный вопрос... Больше четверти века, отданных этому козлу, который не нашёл ничего умнее, чем найти себе потаскуху не где-то там на стороне, о чём бы я даже никогда и не узнала, а прямо под боком! Прямо нагадить в свою родную семью! И я понимаю, что у меня до сих пор это всё не укладывается в голове. Но деваться некуда, авто подъезжает к подъезду нашего сталинского дома, и я выхожу на улицу. В нерешительности смотрю на всю эту серую громаду, нависшую надо мной, и захожу в подъезд. Поднимаюсь на самый последний этаж, где у нашей семьи – роскошная двухуровневая квартира. На первом этаже наши жилые комнаты, а на втором – мастерская Вани. Он же художник, скульптор, и ему надо творить в тишине! Вот он и творил,

видимо, пока меня не было дома, со студенткой-Ирочкой, пока Федя уходил на работу. Чёрт бы их побрал! Меня аж передёргивает от всей этой мерзости. Интересно, эта шлюха уже успела всё рассказать Феде или они специально ждут меня? лучше бы уже первое...

Я захожу в квартиру, и понимаю по их напряжённым лицам, что все они до сих пор ждут меня. Ну хоть что-то же можно в этой жизни сделать самостоятельно! Но нет. Ладочка должна прийти и сама всё разрулить. Я прохожу в гостиную и устало плюхаюсь на диван, и спрашиваю этих двоих:

– И? Вам удалось всё рассказать? Нет?

И Федя, совершенно потерянный и растерянный, бормочет в ответ:

– Мама, все жду тебя. Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

И я лишь тихо говорю в ответ:

– А происходит то, Федя, что Ира и твой папа – любовники. И я их застукала в той самой вип-комнате, где ты меня нашёл. Не могли удержаться, чтобы прямо там...

– Что?! Прямо на моей свадьбе?! – и я вижу, как темнеют глаза моего сына, когда он в гневе. И замешательстве. Сегодня его предали два самых близких и любимых человека. Двойное предательство. Двойная измена. И я даже не знаю, как нам теперь это всё можно пережить.

По крайней мере, приличные люди постарались бы как-то это хотя бы сгладить. Не мозолить глаза своим присутствием,

но по-моему, эта девка совсем этого не понимает. Ну что же, я ей подскажу.

– Я думаю, для всех будет лучше, Ира, если ты покинешь наш дом, – спокойно говорю я, потому что чувствую, что у меня уже больше нет сил, словно из меня высосали все жизненные соки. – Твои вещи я пришлю тебе позже, не утруждай себя сборами, – продолжаю я, но тут, к моему изумлению, подаёт голос мой муженёк.

– Ирочка никуда не уйдёт из моего дома. Не забывай, что это мой дом. Это я заработал на него, и это я знаменитый скульптор, – с важным и спокойным видом заявляет мой муж, и у меня перехватывает горло от такой наглости!

– Да, и что же ты предлагаешь? – тихо спрашиваю я, уже жалея, что не устроила грандиозный скандал прямо там, на свадьбе, чтобы его поганое имя разнесли по всем газетам! Но это и моё имя тоже! И моего сына!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.